

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРЕДМЕТ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

© 2018 г. Т.П. Емельянова**

**Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1.

e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Аннотация: В статье приводится анализ основных направлений изучения коллективной памяти, сложившихся в разных гуманитарных науках. Рассматриваются подходы к пониманию коллективной памяти в исторической науке, в культурологии, в философии, в социологии. Показано, что, несмотря на значительные пересечения в проблематике, большими остаются разночтения как в содержательной трактовке явления коллективной памяти, так и в терминологии, что затрудняет сопоставление между собой результатов исследований. Приводится аргументация в пользу того, что именно социальная психология располагает методологическими ресурсами для адекватной операционализации понятия «коллективная память», даются примеры результатов эмпирических исследований факторов, механизмов и процессов коллективной памяти в рамках социальной психологии.

Ключевые слова: коллективная память, меморизация, коллективное забвение, большие группы, процессы памяти, механизмы памяти

ВВЕДЕНИЕ

Знание о психической жизни больших групп людей стало актуальным, востребованным обществом. Введение в научный оборот терминов «коллективная амнезия», «мнемонические войны», «социальная ностальгия», «преодоление прошлого», «контрвоспоминания» и других, а также методических приемов: биографического, нарративного, «oralhistory», «case-

---

* Работа выполнена в рамках госзадания 0159-2018-0003

study», все это существенно меняет ландшафт социальных наук, разворачивая исследователей к проблематике групп, взаимодействий, массовых социальных явлений. XX век породил у многих народов и наций коллективные травмы (мировые войны, революции, нацизм и др.) и тяжелые воспоминания, что, по-видимому, спровоцировало всплеск интереса к мнemoистории, т.е. к тому, как вспоминается история.

Феномен коллективной памяти привлек внимание представителей разных социогуманитарных наук, в результате чего сложилось несколько дисциплинарных подходов в этой области. Особенность ситуации заключается в том, что современные исследования коллективной памяти приняли не междисциплинарный характер, предполагающий синтез и взаимообогащение достижений разных наук, а, скорее, мультидисциплинарный вид, когда разные науки – история, философия, культурология, социальная психология, социология, отчасти и политология культивируют свою «делянку». Как следствие, понятие «коллективная память» наполняется разным научным содержанием, замещается близкими, но иными понятиями и используется для решения весьма различных теоретических и практических задач. Объединяющим является резко возросший (начиная с 90-х годов) интерес к самой проблематике коллективной памяти, который на Западе окрестили как «бум памяти».

Эффекты коллективной памяти изучаются в мультидисциплинарном контексте с различных точек зрения. Ряд авторов сосредоточивается на анализе данных эмпирических исследований, не касаясь их методологических основ; наблюдается приверженность ряда авторов теории личной и социальной идентичности, обоснованию результатов в таких терминах, как «поиск исторических доказательств в пользу своей группы», «игнорирование невыигрышных обстоятельств», «подтасовка фактов», «поиск врага и “козла отпущения” в прошлом»; довольно распространено использование для объяснения фактов коллективного забвения психологических теорий стресса, фрустрации, агрессии, психоаналитического понятия вытеснения; наблюдается

и тенденция строить объяснение возникающих коллективных воспоминаний в ходе социального взаимодействия через разговорную практику (в русле конструкционистской логики). Важной теоретической задачей является анализ подходов к изучению коллективной памяти в разных гуманитарных науках с тем, чтобы очертить социально-психологический ракурс рассмотрения этого феномена.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

В исторической науке большое внимание уделяется механизмам влияния коммеморации (или меморизации), понимаемой как целенаправленный процесс внедрения желательных трактовок событий истории, в сознание публики. Формирование нужного образа прошлого посредством создания институциональной версии памяти историка прослеживаются через анализ различных способов коммеморации. Так, в исследовании Т.В. Раевой рассматривается стратегия советской пропаганды «правильной» трактовки Первой мировой войны в клубной работе с населением в 1920-х гг. Автор обсуждает жанр «агит-суда», т.е. инсценировки судебного процесса над вымышленными утрированными персонажами войны (Раева, 2014). Доходчивый формат театрализованного представления имел целью наглядно продемонстрировать, где «хорошие» и где «плохие» герои. Согласно выводу автора, «таким образом, агит-суд являлся уникальной формой коммеморации Первой мировой войны. В ходе него осуществлялся процесс коммуницирования государства и общества с целью выработки образцов толкования причин, целей войны, ее жертв и последствий» (Раева, 2014, с. 13). В представленном примере влияние институционального ресурса на коллективную память приобретает гипертрофированную форму политической пропаганды. Менее наивным, но также действенным выглядит прием формирования политически заданного образа Первой мировой войны, рассмотренный в работе О.С. Нагорной и Т.В. Раевой. Материалом послужили документальные фильмы о Первой мировой войне (Нагорная, Раева, 2012).

Авторы использовали сравнительный метод, сопоставив приемы пропагандистского кино дореволюционной поры и периода между мировыми войнами. В ходе войны с 1914 до 1917 гг. пропагандистский посыл срабатывал слабо, т.к. в фильмах сцены боев зачастую замещались стрельбой из орудий, видами поля битвы, образцовых окопов, перемещениями разных родов войск, конвоированием пленных, демонстрацией трофеев (Нагорная, Раева, 2012, с. 46). Между тем, реальные проблемы и трудности фронта и тыла, не отражались в документальном кино, что вызывало недоверие публики, и патриотическая агитация, таким образом, не срабатывала.

В 20–30-е годы документальное кино о войне обрело совершенно иной эмоциональный заряд: «демонизация Первой мировой войны становилась для большевиков важным источником духовной мобилизации» (там же, с. 47). Используя кадры разоренных хозяйств, беженцев, нехватки продовольствия, тяжелого труда женщин, заменивших мужчин, праздной буржуазии, богатеющей на войне, документальное кино закрепляло у зрителей сознание коллективной жертвы, в общем созвучное групповой памяти современников войны (там же). Таким образом утверждалась негативная память об империалистической войне, которую вела перед революцией царская Россия, поскольку институциональное воздействие пало на благодатную почву коллективных воспоминаний.

Использование ресурса коллективной памяти для продвижения политических трактовок событий недавнего прошлого прослеживаются и другие историки, в частности, Р. Карагезов, а также Э. Исмаилов и Р. Карагезов. В этих работах обсуждаются события, происходившие в кавказском регионе, а именно, обострение ситуации в Нагорном Карабахе и российско-грузинский конфликт 2008 г. Для интерпретации состояния обыденного сознания населения в обоих случаях авторы прибегают к объяснительной схеме Дж. Верча, а именно, к его идее о том, что коллективная память обусловлена различными историческими повествованиями, содержащимися в хрониках, школьных учебниках, которые образуют «схематический повествовательный шаблон» присущий культурной

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)
традиции каждого народа. По мысли авторов (Карагезов, 2006, 2008; Исмаилов, Карагезов, 2007), жертвенный и одновременно имперский «нарративный шаблон», присущий как российскому, так и армянскому менталитетам, послужил надежной основой пропагандистской кампании в СМИ и обеспечил ее успех у публики. Думается, однако, что похожие по содержанию шаблоны применимы не только к России и Армении, но и ко многим другим странам. По законам коллективной памяти образ великой нации поддерживает позитивную коллективную идентичность, а позиция жертвы обеспечивает любой нации образ обороняющейся, неагрессивной стороны в случае конфликта. Кроме того, упомянутые «нарративные шаблоны», возможно, и являются расхожими мнестическими схемами, но живая коллективная память как атрибут социальных групп богаче и многообразнее.

Проблему изменения содержания коллективной памяти в новых исторических условиях поднимают многие историки на примере конкретных случаев. Так, в работе Е.И. Красильниковой анализируются процессы меморизации и забвения на примере старинных кладбищ г. Томска как мест памяти жителей этого города в 20–30-х гг. XX в. Заметим, кстати, что историки широко используют введенное французскими авторами понятие «lieux de memoire», транслируя его как «место памяти», но точнее было бы его переводить как «памятное место», так мы его в дальнейшем и будем называть. Е.И. Красильникова прослеживает, как разные политические силы работали над овладением коллективной памятью и, в конечном итоге, умами и сердцами жителей этого города. После гражданской войны появилось коммунистическое (партийное) кладбище – новый, отдельный участок старинного кладбища. Вместе с тем, в Томске, как и в других сибирских городах, межвоенное время тенденциозно уничтожался дореволюционный некрополь, имевший несомненную культурную ценность, однако игнорировавшийся советской властью, которая оберегала лишь «свои» могилы, да и то не очень заботливо (Красильникова, 2012, с. 119).

На примере воспоминаний о Великой Отечественной войне И.В. Реброва показывает, как личные воспоминания переплетаются с институциональной памятью, и как социальная действительность настоящего влияет на передачу информации о прошлом. Через дискурс-анализ интервью автор обнаруживает, что оценки со стороны российского общества нацистских солдат и офицеров постепенно размываются: в четко негативные конструкты речи о враге вплетаются и иные образы немцев, которые могли помогать, угощать детей сладостями, тосковать по своим семьям. В устных рассказах респондентов действуют не схематические персонажи, а живые люди, поступающие тем или иным образом в силу собственной индивидуальности и создавшихся обстоятельств (Реброва, 2012). Так воспоминания очевидцев, сохраняя клише институционального происхождения (официальной истории) в отношении такого трагического периода истории как война, тем не менее содержат нейтральные и позитивные эпизоды межличностных контактов с представителями вражеской армии. Сама возможность таких амбивалентных воспоминаний появляется только в соответствующем культурно-историческом контексте.

Н.А. Колодий развивает мысли А. Эткинда, характеризующего современную ментальность через понятие «война воспоминаний». Автор справедливо подчеркивает, что дело даже не в победе того или иного варианта интерпретации истории и культуры через памятные места, дело – в культурной политике, в практике определения национальной идентичности, которая выражается в выборе ключевых дат, национальных и религиозных праздников, «назначения» персон героями и палачами в постсоциалистических обществах (Колодий, 2013, с. 244). То есть, с точки зрения историков, коллективная память не просто подвержена изменениям, но она становится и ареной сражений за смыслы воспоминаний, да и образ будущего.

Завершая обзор подходов к коллективной памяти в рамках исторической науки, нельзя не отметить резко возросшего интереса к взаимоотношениям коллективной памяти и истории. Начиная со второй

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

половины XX века, по словам З.А. Чеканцевой, историческая наука становится «историей во второй степени», то есть историей переосмысления всех имевших место репрезентаций исследуемого явления (Чеканцева, 2015, с. 232). Представители этого нового направления «интеллектуальной истории» доказали, что в любых исторических текстах присутствуют идеологические влияния. О субъективности историка писал в свое время и М. Хальбвакс. Историческое знание конструируется по особым законам, а не зеркально отражает прошлое. Тем самым можно говорить о различных версиях понимания прошлого, принимая в расчет не только профессиональные тексты, но и обыденные версии событий, т.е. память. Изучение менталитета, обыденных представлений людей о явлениях и событиях, в частности, в школе Анналов, как раз и стало шагом к приданию коллективной памяти статуса важного источника исторического познания. Память групп, воплощенная в действиях по ознаменованию, сохранению традиций и ритуалов, народное почитание героев и др. коммеморативные практики стали привлекать пристальное внимание историков. Время меняет коллективную память в такой степени, что можно говорить о культурно-исторических стратах в восприятии событий и личностей. «Интеллектуальная история» призвана произвести «раскопки» этих ментальных слоев для того, чтобы понять «объемность» и многозначность исторических процессов. Сама идея объективности/необъективности исторического знания и роли обыденной памяти, а также позиции историка появилась как результат столкновения двух противоположных позиций в отношении статуса исторического знания. С одной стороны, бытует принятое еще со времени эпохи Просвещения сциентистское понимание того, что существуют объективные исторические факты и достоверные исторические источники. Представление о том, что их можно надежным образом реконструировать, питали надежды историографов на существование метода классического историзма (Макаров, 2007). При этом предполагалось, что историк существует вне идеологии какой-либо референтной группы (там же, с. 164). С другой стороны, критики сциентизма

трактуют историческую науку как результат «социального заказа», как заданную извне интерпретацию событий. А прошлое лишь используется для решения задач реальной политики. Между этими двумя крайними позициями в современной историографии существует множество оттенков мнений. При этом в историческом исследовании неизбежно возрастает роль изучения коллективной памяти, которую этот автор понимает, как надындивидуальную память – необходимый элемент человеческой культурной реальности – служащую посредником для проникновения культуры в историческое сознание (там же, с. 163).

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

В культурологии имеется свой угол зрения на проблему коллективной памяти. Основными его характеристиками являются интерес к социальным институтам, концентрирующим следы прошлого и транслирующим их обществу, изменения в культуре общества, связанные с коммеморацией и забвением, роль искусства в процессах памяти, механизмы историко-культурной преемственности. Как полагают культурологи, их профессиональный подход к памяти означает изучение способов сохранения представлений об эстетических ценностях эпох, представлений о прекрасном в разные периоды истории, о нравственных принципах, о художественной выразительности, литературных стилях и жанрах искусства прошлого. Культурологический подход к памяти позволяет раскрыть то, как повседневная культура и художественная жизнь прошедших эпох входят в современный менталитет, создавая многослойную и многоликую картину культуры настоящего. Образы культур прошедшего времени воссоздаются и активно воспринимаются современными людьми благодаря коммеморации.

Понятие коммеморации используется как в исторических, так и в культурологических трудах. Е.О. Васильева называет явление коммеморации важнейшим элементом современной социально-культурной жизни общества, которое выступает транслятором ценностно-смысловых характеристик

культуры от одного поколения к другому и определяет многомерность и многоуровневость феноменов культуры (Васильева, 2009, с. 40). Автор показывает на примере женского образа в живописи эпохи модерна созвучность этого периода современным процессам смены мировоззренческих ориентиров. Деятели современного искусства переосмысляя эпоху модерна, пытаются возродить былой стиль, вернуть к жизни это искусство, вновь открыть для себя красоту и ценность человека. Реакция на модернизм имеет самые разные формы, которые современное общество принимает и одобряет (Васильева, 2009, с. 42).

Роль кинематографа, транслировавшего официальный дискурс о военной истории, в частности, о Сталинградской битве, в конструировании образов коллективной памяти, показал Е.В. Волков. Автор справедливо полагает, что художественные фильмы могут рассматриваться как важнейший исторический источник для понимания представлений советских людей, особенно молодого поколения, о войне (Волков, 2015). Кинокартины о Сталинградской битве создавались в советской стране, начиная с военных лет и заканчивая временем перестройки. С точки зрения типологии фильмов, это были либо военные драмы, либо киноэпопеи. Кинофильм, как и любое художественное произведение, является продуктом своего времени, с одной стороны, и отражением мировоззрения автора, с другой. Но в широкий прокат в советское время могли, разумеется, попасть только фильмы, одобряемые партийным руководством, их и анализирует Е.В. Волков – это шесть фильмов, посвященных Сталинградской битве и снятых в 45-летнем интервале с 1944 по 1989 гг. Интересен замысел автора показать через различия в трактовке событий знаменитой битвы изменчивый фон институциональной памяти, которая, несомненно, оказывала воздействие на коллективную память.

Шесть фильмов – шесть интерпретаций. Первый из них – фильм режиссера А.Б. Столпера «Дни и ночи», снятый в 1944 г. Пафос фильма нацелен на то, чтобы показать, что настоящими героями Сталинграда являлись офицеры и солдаты Красной армии. Фильм украшен сценами исполнения

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

народных песен воинами и дополнен кадрами хроники. Примечательно, что деятельность коммунистической партии, Сталина как руководителя страны и наркома обороны, судя по сюжету, играла не главную роль. По фильму заметно ослабление культа Сталина в советском обществе в период войны.

Фильм «Великий перелом» снял на киностудии Ленфильм в 1945 г. режиссер Ф.М. Эрмлер. Война показана, прежде всего, как напряженный труд военачальников. Партийное руководство не выглядит определяющим в фильме – многое зависит от принятия решений командующим фронтом. Решение, определяющее все развитие событий, принимает только один человек – командующий фронтом. В этой трактовке сквозит идея вождизма в духе советского официального дискурса того времени, когда и в Кремле, и на фронте все зависело от одной личности. При этом имя самого Сталина в картине также не упоминается в стиле пропаганды того времени.

Фильм «Сталинградская битва» был поставлен в 1949 г. режиссером В.М. Петровым. Именно этот фильм задал образец последующих советских киноэпопей о войне. Что характерно для пропаганды этого периода, центральной фигурой теперь является Сталин. Основной посыл фильма – «великий стратег» Сталин создал план разгрома немецких войск под Сталинградом, именно он руководит боевыми действиями. А в тылу, на каждом заводе, люди стоят у репродукторов и, затаив дыхание, с надеждой в глазах слушают очередную речь Сталина (Волков, 2015).

В 1956 г., уже в период оттепели, на киностудии Ленфильм завершились съемки и монтаж еще одного фильма о Сталинградской битве. Режиссер А.Г. Иванов поставил картину «Солдаты» как экранизацию известной повести писателя-фронтовика В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946 г.). С резкой критикой фильма выступил представитель Главного политуправления Министерства обороны генерал-лейтенант М.А. Миронов. В итоге создатели картины согласились внести поправки. Из фильма были исключены какие-либо упоминания о неподготовленной эвакуации промышленных предприятий и населения из Сталинграда. На фоне

замалчивания значимости фигуры Сталина усилена роль коммунистической партии, как «главного вдохновителя и организатора» побед советского народа. В новых условиях оттепели у кинематографистов появилась возможность не придерживаться строгих канонов политической конъюнктуры, когда советским зрителям представляли с экрана образы «гениального полководца» Сталина и советских генералов, как главных победителей нацистской Германии, а показать окопную правду войны. На экране предстали истинные герои и победители – простые солдаты и младшие командиры, которые ежедневно рисковали жизнью на фронте. Еще одним фильмом, в котором чувствуется время оттепели и стремление рассказать больше правды о войне, стала постановка режиссера А.Б. Столпера «Возмездие» (1967 г.). Картина снималась по роману К.М. Симонова «Солдатами не рождаются». В ней присутствуют отголоски времени перемен и осмысления последствий диктатуры Сталина. Упоминаются в фильме и репрессии советского командного состава накануне войны. Видимо, по причине наличия сцен, поднимавших острые вопросы, не совсем удобные для властей, фильм редко показывали на большом экране.

В 1972 г. на киностудии «Мосфильм» вышла еще одна художественная кинолента о Сталинградской битве – «Горячий снег» режиссера и участника войны Г.Г. Егиазарова по сценарию и одноименному роману писателя-фронтовика Ю.В. Бондарева. Фильм получил положительные отзывы, критика его оценила, как правдивое киноповествование, созданное авторами-фронтовиками, в котором со знанием дела показаны и боевые действия, и бытовые мелочи повседневной фронтовой жизни.

В условиях перестройки, в 1989 г., закончились съемки фильма «Сталинград», который являлся продолжением киноэпопеи «Освобождение», режиссера Ю.Н. Озерова, бывшего фронтовика и боевого офицера. В киноэпопее были показаны ошибки Сталина, говорившего надрывно и, как полагается, с кавказским акцентом. Он не верит разведке и принимает решение о неудачном наступлении в мае 1942 г. на Харьков. Подчеркивается, что его жестокий приказ № 227 не привел к каким-либо позитивным результатам.

Вождь запрещает эвакуацию заводов Сталинграда, чтобы не поднимать паники, и тем самым, обрекает на гибель массу гражданского населения. И так, судя по экранным образам Сталинградской битвы, на разных этапах развития советского общества, создавались отличные друг от друга киноистории о Сталинградской битве. Видимо, можно считать данные фильмы своеобразными маркерами культурной политики и коллективной памяти советских людей о решающем сражении Великой Отечественной войны.

Обратный процесс – забвение в культуре рассматривается как важнейший инструмент построения новой культуры и новой идентичности. «Принудительное забвение» играет в этом процессе особую роль. Такой род забвения никогда не связан с полной утратой памяти, но является наиболее трагичным (Кочеляева, 2012, с. 10), поскольку носители памяти зачастую уничтожаются физически, а «неудобная» для власти версия исторической памяти вытесняется в маргинальную зону культуры и становится уделом диссидентов. Работа Н.А. Кочеляевой посвящена «трудным местам» памяти и выведению их из зоны забвения на примере создания музея, посвященного функционированию лагеря «Пермь–36» для политзаключенных, а также Соловецкого музея-заповедника. В течение долгого времени тема Соловецких лагеря и тюрьмы пребывала в поле принудительного забвения, и лишь с началом перестройки и формирования гражданского общества она была возвращена в сферу исторической памяти и стала предметом активной мемориальной политики (Кочеляева, 2012). «Принудительное забвение» прерывается только в ходе перемены всего «культурного ландшафта» страны и влечет за собой изменение социально-культурной идентичности.

ФИЛОСОФИЯ О КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Объектом целенаправленной философской рефлексии коллективная память становится только в период модерна (Турбина, 1998), поскольку в условиях традиционного общества сохранение прошлого задается самим укладом жизни его членов. В обществе модерна и постмодерна определенная

трактовка событий прошлого тесно связана с самоидентификацией и легитимацией его групп и поэтому выделяется в специальную задачу.

В современном мире насаждение идеалов мультикультурного типа развития делает весьма размытым процесс идентификации человека с той или иной группой. Необходимость в определении принципиальных ориентиров в жизни (национальных, религиозных, этнических, групповых, сексуальных и др.) объясняет возрастающий интерес людей к прошлому, поскольку групповая идентичность предполагает приверженность одному из вариантов коллективной памяти. Однако разнообразие вариантов интерпретации истории той или иной группы в условиях современного мирового сообщества повлекло за собой размытие её идентичности и отсутствие определённого статуса. В силу этого для избавления от «расплывчатости» некоторые люди исповедуют упрощенные одномерные представления, часто связанные с обвинениями других групп.

В современном обществе разными исследователями фиксируются противоположные тенденции упадка памяти в форме тривиализации великих событий и преувеличения роли прошлого, в частности – в политических целях. По мнению Е.Г. Турбиной, главной проблемой функционирования коллективной памяти является её совмещение с критическим осознанием прошлого, поскольку «прославление и осуждение собственного прошлого одинаково опасны, когда они становятся целью сами по себе» (Турбина, 1998, с. 752).

Конструктивистский взгляд на коллективную память приобретает все большую популярность среди обществоведов, особенно в связи с проблемой «утраты» памяти, «социальных амнезий», ускользания фрагментов прошлого. Такого рода феноменам и процессам посвящен ряд специальных работ (Baumeister, Hastings, 1997; Мокроусова, 2012; Кумыков, 2013 и др.). Явления искажения, забывания в коллективной памяти указывают на подвижную, нестабильную природу феномена памяти. Эта подвижность связана прежде всего с переменчивостью культурного ландшафта, который требует

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

выдвижения на первый план одних воспоминаний и «упущения» других. Это происходит, по мнению А.М. Кумыкова, в силу противоречивого восприятия и неоднозначной, ангажированной интерпретации прошлого политическими элитами и различными социальными группами, когда события и образы прошлого подвергаются социальной амнезии и становятся «лакунами памяти». Следствием этого процесса автор считает «дезорганизацию» памяти (Кумыков, 2013, с. 102). На наш взгляд, социальная амнезия является частью сложного процесса конструирования и деконструкции коллективной памяти, что сложно назвать дезорганизацией, поскольку именно в таком бурлении интерпретаций и обнаруживаются в каждый исторический момент контуры коллективной памяти. Исследователи анализируют и природу феномена искажения памяти: описывается два мировоззренческих полюса, которые определяют искаженное видение прошлого. На одном полюсе – ностальгия по ушедшему, рождающая пессимистический взгляд на мир, на другом расположена укорененная в коллективной памяти вера в прогресс, утверждающая оптимистическое мировоззрение (Мокроусова, 2012). Можно согласиться с автором в том, что каждая из этих позиций по-своему отражает глубинную психологическую потребность в защищенности – они обещают либо перемены к лучшему, либо иллюзорное прошлое в качестве убежища. Так социальные потребности формируют искаженный образ прошлого (там же, с. 60). И снова возникает вопрос, существует ли «истинный» образ прошлого? Не абстракция ли это? А может быть существование разного рода вариаций в трактовках истории и есть истинный порядок вещей, составляющий суть коллективной памяти?

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Категория коллективной памяти родилась в недрах французской социологической школы. Научное наследие Э. Дюркгейма содержит множество идей, развитых впоследствии его учениками, идей, давших начало новым направлениям в современных социальных науках. Среди них идея о механизмах устойчивости и стабильности общественного устройства. Анализу

коммеморативных практик, закрепленных в ритуалах, их решающей роли в поддержании стабильности первобытного коллектива Дюркгейм посвятил значительную часть своего масштабного труда “Элементарные формы религиозной жизни”. Кроме того, его идея коллективных представлений, цементирующих сознание общества и передающихся из поколения в поколение (Дюркгейм, 1995) также выводит на мысль о существовании коллективной памяти общества. По верному замечанию А.Г. Васильева: «Дюркгейм оставил своим продолжателям следующее представление о коллективной памяти: это социально сконструированное пространство прошлого, наполненное коллективными воспоминаниями, носящими внеиндивидуальный сакральный характер» (Васильев, 2014, с. 162).

Морис Хальбвакс развил идею Дюркгейма о механизме передачи традиции. Он придавал большое значение семейной памяти и взаимоотношениям дедов с внуками как гарантии непрерывности социальной жизни. Феноменологический акцент в методологии позволил Хальбваксу более гибко, чем его учитель, соотнести коллективную память с индивидуальной (Хальбвакс, 2007). В системе Хальбвакса коллективная память – это уже не духовная субстанция, несводимая к сумме индивидуальных психических явлений, а атрибут социальной группы, который становится основным предметом социальной психики. Коллективная память для него – это некий общий ресурс, из которого разными индивидами извлекается разное содержание. По мнению современных авторов (Paetz et al., 2016), идея Хальбвакса о «социальности» коллективной памяти имеет несколько аспектов: во-первых, память социальна по причине ее интерсубъективного содержания, то есть люди помнят о прошлом, прежде всего, в связи с другими людьми. Во-вторых, вспоминая, люди чаще всего используют своего рода опорные точки в виде социальных событий, причем разные социальные группы используют разные точки отсчета. Каждая социальная группа предоставляет своим членам определенные «социальные критерии», посредством которых они узнают и вспоминают мир. Эти социальные критерии действуют, даже когда индивид

один. В-третьих, социальный характер памяти обусловлен ее языковой природой, ведь коллективная память основана во многом на речевых повторах, имеющих важные социальные функции. Коммуникативный процесс позволяет разделить индивидуальный опыт с другими, и это еще одно доказательство социальной природы памяти. Так, в современных исследованиях было показано, что люди связывают индивидуальные воспоминания о своей жизни с одними и теми же событиями общественной жизни.

Кроме того, память социальна благодаря своим функциям. Так, коллективная память помогает людям обрести социальную идентичность через интернализацию общих традиций и коллективных представлений, разделяемых группой. Причем если представление о прошлом имеет позитивный смысл «золотого века» – это глобальная, или ностальгическая функция. Вторая социальная функция связана с целями и потребностями группы, в этом смысле коллективная память – это своего рода реконструкция прошлого в соответствии с целями настоящего в жизни группы. Думается, не будет преувеличением сказать, что идеи Хальбвакса о многочисленности функций коллективной памяти продолжают вдохновлять современных психологов (Paez, et al., 2016). Данная тема разрабатывается как в плане уточнения социально-психологического содержания понятия коллективной памяти, его соотнесения с близкими понятиями социальной и массовой памяти, так и в плане разработки адекватной методологии эмпирических исследований.

Хальбвакс уточнил и детализировал понимание коллективной памяти не просто как механизма, обеспечивающего общественную солидарность, но и как явления, создающего базу для органичной включенности человека в ткань социальной жизни. Хальбвакс вводит понятие социальных рамок памяти (Хальбвакс, 2007) именно для того, чтобы объяснить, каким образом образуется неразрывная связь индивидуальной и коллективной памяти. Социальные рамки – это своего рода каркас, на который нанизываются индивидуальные воспоминания, приобретая смысл, опору и логическую связность. Социальные рамки задаются коллективной жизнью, но при этом коллективы могут быть

разными по своим характеристикам. Семья задает одни рамки, религия – другие. Человек включен в разные коллективы и поэтому социальные рамки его памяти многообразны. Ситуация множественности таких intersubъективных пространств делает человека носителем сложного комплекса образов коллективной памяти в конкретном культурном контексте. Кстати, понятие intersubъективности впоследствии успешно разрабатывалось в психологической антропологии, трактуемое как поле взаимопонимания, в котором существует общее культурное знание (Лурье, 2003). Хальбвакс решает две теоретические задачи: создает основу понимания социальной природы индивидуальной памяти и обосновывает понятие коллективной памяти как общего для членов группы содержания образов, базирующихся на единых, культурно обусловленных социальных рамках. Он интерпретирует функционирование коллективной памяти через использование феномена социальных групп. Во главу же угла своих рассуждений о закономерностях и механизмах коллективной памяти он ставит семью. Передача воспоминаний от дедов к внукам трактуется Хальбваксом как основной механизм трансляции коллективной памяти. Хальбвакс впервые в науке придал решающее значение семье, как группе-носителю коллективной памяти. Более того, именно такие социальные структуры, как семья и религия, согласно его теории, существуют благодаря механизму коллективной памяти. По словам Хальбвакса, «рассматривая свое прошлое, группа чувствует, что она осталась той же, и осознает свою самотождественность во временном измерении» (Хальбвакс, 2005, с. 22).

Характеризуя коллективную память в качестве социального феномена, Хальбвакс подчеркивает ее избирательность. Личные воспоминания склонны к исчезновению в случае, если они не повторяются, не вызываются в памяти вновь и вновь. Вероятность их повторения зависит от того, наделяли ли их коллективной функцией «социальные рамки» памяти. Так, автобиографические воспоминания могут выжить лишь в случае, если они отвечают каким-то институциональным нуждам. Но, по Хальбваксу, те воспоминания, которые

стали достоянием коллективного сознания, вовсе не могут считаться ненадежными в том, как они изображают события прошлого. Скорее дело заключается в том, что некоторые события, переработанные коллективной памятью, приобретают своего рода вечное значение, и в силу этого вспоминаются чаще и дольше по сравнению с огромными массами происшествий, которые обречены на забвение, а отчасти и за счет этого забвения. Иначе говоря, Хальбвакс допускал, что коллективное запоминание и забвение зависят друг от друга и взаимно друг друга конституируют.

Существенный вклад в осмысление коллективной памяти внесен Франкфуртской школой, и, прежде всего, Т. Адорно, исследовавшим особенности становления коллективной памяти в период послевоенного переживания вины и стыда германцев за преступления нацизма (Адорно, 2005). Общество в то время обсуждало тему вины и ответственности, коллективной травмы, «ослабленной памяти», помогающей изжить подобную травму, что сопровождалось перечеркиванием индивидуальных и коллективных воспоминаний о национал-социалистической эре вплоть до отрицания самого существования недалекого прошлого. Адорно обнаружил факт коллективного самообмана, на который указывал (и который маскировал) призыв к переоценке прошлого.

В современной социологии стало популярным понятие «бум памяти», что характеризует как степень интенсивности, так и экстенсивности исследовательской практики в отношении коллективной памяти. Введение в научный оборот терминов «коллективная амнезия», «мнемонические войны», «социальная ностальгия», «преодоление прошлого», «контрвоспоминания» и других, а также методических приемов: биографического, нарративного, «oralhistory», «case-study», по мнению Н.В. Романовского, обозначило новый поворот к человеку, деятелю, группам, взаимодействиям, нацеленность ученых на изучение массовых социальных явлений (Романовский, 2011).

«Эра памяти», начавшаяся с конца XX века, отмечена обостренным исследовательским интересом к истории минувшего века, насыщенного

драматичными событиями и, особенно, к коллективным воспоминаниям о них: мировые войны, революции, нацизм, Хиросима и Нагасаки, холокост, Катынь, Чернобыль, геноцид и другие. XX век породил у многих народов и наций коллективные травмы и тяжелые воспоминания, что, по-видимому, и спровоцировало всплеск интереса к мнemoистории, т.е., к тому, как вспоминается история. В социологии наметились как чисто предметные направления в духе изучения памяти о конкретных явлениях и событиях, например, о холокосте (см. из недавних: Коротецкая, 2016), так и направления исследований отдельных факторов коллективной памяти, скажем, этнического или поколенческого факторов. Память поколений, ее особенности стала предметом многих исследований. Назовем, в частности, работу Л.И. Миклиной о коллективной памяти современной российской молодежи. На выборке 204 человек автор исследует уровень знаний об исторических событиях и отношении к ним. Результаты показали хорошее знание респондентами исторических фактов и личностей, а также то, что молодежь способна критически анализировать явления, отмечая их положительные и отрицательные последствия. Единственное событие, имеющее однозначно негативную окраску в памяти молодого поколения россиян, – гражданская война. Это может быть следствием реинтерпретации истории в результате смены общественного строя. «Эффект когорты» по Г. Шуману и Ж. Скотт проявился в данном случае в том, что современная молодежь, воспитывавшаяся в постсоветском обществе, видит Октябрьскую революцию в ином свете, чем другие возрастные группы (Миклина, 2015).

В работе О.А. Максимовой на основе дискурсивного анализа самооценок своего поколения, полученных в ходе опроса представителей разных возрастных когорт, производится анализ их самоидентификационных характеристик (Максимова, 2014). Автор приходит к выводу о том, что с увеличением возраста респондентов их идентификация со своим поколением в контексте исторических событий проявляется в большей степени, тогда как молодые поколения демонстрируют высокую степень индивидуализма. Это, по

мнению автора, является отражением общественных трансформаций, происходящих в условиях постиндустриального, информационного общества, где индивидуальные ценности доминируют над коллективными. Такое объяснение, в целом, можно принять, добавив, что более полная самоидентификация придет к молодежи позже, с рефлексией своего места в обществе, при сравнении своего поколения с младшими.

Отдельное направление социологических исследований в области коллективной памяти составляет изучение новейших каналов сохранения и передачи следов памяти, в особенности, интернета. К. Штоп-Рутковска использует понятие «киберпамять». В ней нет института «проводника» – получатель сам конструирует свои представления на тему прошлого, использует интернет-ресурсы, кликая на гиперссылки в читаемом тексте. Киберпамять часто оказывается сложной памятью, транслирующей воспоминания не только господствующей группы, но также групп, составляющих меньшинства (Штоп-Рутковска, 2015, с. 139). Учитывая то, что молодежь в целом активнее других поколений пользуется интернет-ресурсами, можно говорить о радикальном изменении в роли разных институтов коллективной памяти. Учебники истории, кинопродукция, книги теперь становятся подспорьем в конструировании собственных схем, образов прошлого, которые создаются в результате самостоятельного поиска информации в сети. Изобилие информации, ее противоречивость либо стимулируют интеллектуальную активность, либо «оглушают» парадоксами, либо закрепляют существующие штампы. Как на самом деле работают эти механизмы еще предстоит исследовать.

Разнообразие подходов, трактовок и способов анализа феномена коллективной памяти в социальных науках заставляет говорить не столько о междисциплинарном подходе к этому явлению, сколько о мультидисциплинарной ситуации в изучении коллективной памяти. По-видимому, нахождение точек соприкосновения в теории и методологии вопроса остается задачей будущего.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

На наш взгляд, именно социальная психология в состоянии предложить, как концептуальную модель онтологии коллективной памяти, так и операционализацию соответствующего понятия, исходя из методологии психологической науки. Исследования, проведенные отечественными и зарубежными социальными психологами, начиная с 90-х годов XX века, позволяют наметить рамки такой модели, включающей основные факторы, механизмы и процессы коллективной памяти. Результаты исследований проливают свет на такие социально-психологические параметры коллективной памяти, как ее процессы, механизмы и функции.

Некоторую ясность в понимание механизмов коллективной памяти вносят результаты изучения привлекательности разных периодов истории СССР. По данным наших исследований, респонденты разных слоев общества вспоминают как наиболее благополучные по избранным ими критериям те периоды, когда фрустрированные в момент исследования потребности этой социальной группы, удовлетворялись в наибольшей степени (Емельянова, 2016). Процессы активного запечатления и сохранения таких событий, как Великая Отечественная война и первый полет человека в космос были подтверждены желанием большинства респондентов сделать их достоянием памяти своих детей (там же). Изучаются и процессы забывания: обнаружены эффекты забвения невыигрышных для группы или вызывающих стыд событий истории (Baumeister, Hastings, 1997; Емельянова, 2016).

Одной из важнейших задач стала задача определения факторов конструирования коллективной памяти. Так при анализе содержания коллективных воспоминаний о исторических личностях прошлого России ведущим фактором, определяющим различия в критериях оценивания исторических персонажей, оказался фактор принадлежности определенному поколению (Емельянова, Кузнецова), имел значение и фактор материальной

обеспеченности респондентов: респонденты с низким доходом значительно чаще давали позитивные оценки личности В.И. Ленина. Фактор принадлежности к тому или иному социальному слою общества оказался важным в содержании коллективных воспоминаний о разных периодах советской истории: представители рабочих, интеллигенции, неработающих пенсионеров, безработных и студентов делали различные смысловые акценты в своих воспоминаниях. Заметным фактором стала и принадлежность респондентов к той или иной культуре. Французы русского происхождения, в детстве переехавшие во Францию, по сравнению с российскими ветеранами того же возраста давали принципиально другие трактовки в своих воспоминаниях начала Великой Отечественной войны (Емельянова, 2002).

Контекстуальность содержания коллективной памяти – одна из важнейших ее особенностей, делающая память феноменом подвижным, изменчивым и динамичным, что провоцирует явления, иногда воспринимаемые как искажения, фальсификации, которые, на самом деле, являются закономерными артефактами. В наших исследованиях обнаружили такие политико-экономические векторы, как консерватизм/либерализм, этатизм/гуманизм, почвенничество/западничество, глобализм/национализм, авторитаризм/демократизм, определяющие логику появления типов респондентов-носителей разных по содержанию воспоминаний коллективной памяти (Емельянова, Мишарина, 2015). Закономерности преобладания тех или иных векторов мы объясняем политическим контекстом периода проведения исследования.

Важной методологической задачей становится поиск подходов к изучению динамических свойств коллективной памяти. Можно предположить, что именно связь коллективной памяти с эмоциями, ценностями и актуальными потребностями группы является основой для изменчивости коллективных воспоминаний, их культурно-исторической обусловленности. Они являются социально конструируемым феноменом и обладают интерактивной природой, поскольку формируются в процессе и в связи с эмоционально окрашенным

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5) общением. Важными остаются и вопросы о месте коллективной памяти в ряду других компонентов ментальности больших групп, о ее зависимости от ценностей культуры, о ее влиянии на конструируемые социальные представления актуальных событий, о воздействии коллективной памяти на построение образа будущего, о связи ее содержания с действующими в общественном сознании политическими антиномиями и другие не менее насущные вопросы. Дальнейшая разработка теоретических подходов, эмпирических методов, применение более совершенных статистических процедур анализа данных позволят приблизиться к разработке теоретических моделей и созданию программ эмпирического социально-психологического изучения коллективной памяти.

Литература

Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>

Васильев А.Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 141–167.

Васильева Е.О. Роль практик коммеморации в процессах организации социального пространства современного искусства // Власть. 2009. № 6. С. 40–43.

Волков Е.В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: автореф. дисс. ... доктора ист. наук. Челябинск, 2009. 41 с.

Волков Е.В. Образы Сталинградской битвы в советском художественном кино // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 128–151.

Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология: ее метод, предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон. 1995. С. 208–243.

Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.

Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. URL: <http://psystudy.ru>.

Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Образы политической власти в коллективной памяти о российской истории у представителей различных возрастных групп // Развитие психологии

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5) в системе комплексного человекознания. Ч.2. Издательство «Институт психологии РАН». Москва, 2012. С. 356–358.

Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2013. Т. 6. № 28. <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/809-emelyanova28.html>

Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 123–129.

Емельянова Т.П., Мишарина А.В. Великая Отечественная война: типология представлений коллективной памяти // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 2 (март - апрель). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Emelianova_Misharina_Great-Patriotic-War-Representations/ [архивировано в WebCite]

Исмаилов Э., Карагезов Р. Конфронтирующая коллективная память на Кавказе: как преодолеть «проклятие прошлого»? // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1(4). С. 117–126.

Карагёзов Р. Коллективная память в этнополитическом конфликте: случай Нагорного Карабаха // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 167–179.

Карагезов Р. «Принуждение Грузии к миру», или о том, как важно в политике учитывать особенности коллективной памяти // Кавказ и глобализация. 2008. № 4. С. 122–128.

Колодий Н.А. Лабиринт памяти – места памяти – война памяти: опыт истолкования // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 240–245.

Коротецкая Л.В. Холокост как социальная и культурная реконструкция памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социс. 2016. № 3. С. 107–117.

Кочеляева Н.А. Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9

Красильникова Е.И. Кладбища Томска как места памяти жителей города (конец 1919 первая половина 1941 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 115–122.

Кумыков А.М. Теоретико-методологический конструкт социально-философского осмысления социальной амнезии // Власть. 2013. № 3. С. 101–103.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический Проект, 2003.

Макаров А.И. Историзм и теория коллективной памяти: методологические аспекты проблемы источниковедения // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2007. № 6. С. 163–166.

Максимова О.А. Самоидентификация и коллективная память поколений современного российского общества // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. № 6. С. 246–252.

Миклина Л.И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. № 1. С.136–140.

Мокроусова Е.А. Философия «коллективной памяти»: проблема ускользания памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. №2 (12). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-kollektivnoy-pamyati-problema-uskolzaniya-pamyati> (дата обращения: 18.02.2017).

Нагорная О.С., Раева Т.В. Образы Первой мировой войны на экранах межвоенной России и Германии: мемориальная политика и коллективная память // Вестник ЮУрГУ, серия «Социально-гуманитарные науки», 2012. № 32 (291). С. 45–4.

Раева Т.В. Меморизация Первой мировой войны в СССР: «Агит-суд» как способ формирования памяти // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 3. С.11–13.

Реброва И.В. Память о Второй мировой войне в современном обществе: индивидуальный дискурс в контексте властного, государственного // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 19 (138). С. 119–123.

Романовский Н.В. Новое в социологии – «Бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13–23.

Турбина Е.Г. Память коллективная // Современный философский словарь / Под ред. Е.В. Кемерова. М., 1998.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина, М.: Новое издательство, 2007.

Чеканцева З.А. Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 229–239.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Том 2, № 3(5)

Штон-Рутковска К. Киберпамять, или, о чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: БелостокиЛюблин // Социс. 2015. № 4. С. 130–139.

Baumeister F., Hastings S. Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah(N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 277-294.

**COLLECTIVE MEMORY
AS A MULTIDISCIPLINARY RESEARCH SUBJECT**

T.P. Emelyanova*

*Ph.D., professor, Leading Research Associate,
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;

e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

The article provides an analysis of the main directions of the study of collective memory, established in various humanities. The approaches to the understanding of collective memory in historical science, in cultural studies, in philosophy, in sociology are considered. It is shown that, despite significant intersections in the problematic, there remain large discrepancies both in the substantive interpretation of the collective memory phenomenon and in terminology, which makes it difficult to compare research results. Arguments are made in favor of the fact that it is social psychology that possesses methodological resources to adequately operationalize the concept of “collective memory”, gives examples of the results of empirical studies of factors, mechanisms and processes of collective memory within the framework of social psychology.

Keywords: collective memory, memorialization, collective oblivion, large groups, memory processes, memory mechanisms